

<...> Все формы меняются с того момента, когда их уже не механически воспроизводят, а изначально задумывают исходя из их воспроизводимости. <...> В конечном счете, основу всего составляет не серийная воспроизводимость, а модуляция — не рыночный, а структурный закон ценности».

Производимая реальность соответствует симулякру, модели; точность соответствия симулякру чрезвычайно важна и функционирует на уровне «вопрос—ответ»: действие по образцу, по заданной модели-симулякру фактически исключает принцип саморазвития в соответствии с внутренней целью. Связь культуры с «биологической» матрицей бесконечно отстранена, вследствие чего пространство предстает не линейным, а клеточным: оно бесконечно воспроизводит одни и те же сигналы. Итогом развития социокультурного пространства является победа симулякра над историей.

Итак, новизна концепции Бодрийера в понимании постсовременной культуры (культуры постмодерна) состоит в критике ее массовидных проявлений, которые образуют симуляцию природы, истории, секса и, наконец, реальности. Масса теряет собственную референциальность; не имея адресата, она отсылает сама к себе. Однако онтологически не представляющая собой социальную реальность, не связанная с ней, масса существует только в коннотации массового потребления знаков-симулякров. Величайшей порождающей моделью реальности становятся средства массовой коммуникации, прежде всего телевидение и кино. Ситуация, спроецированная кино, превращается в реалию (фильм «Китайский синдром» и затем катастрофа на о. Харрисбург). Очевидно, что бодрийеровский критицизм является своеобразным призывом к радикальному пересмотру парадигмы общества потребления, постсовременности.

«ROE V. WADE»: РЕШЕНИЕ ВЕРХОВНОГО СУДА США И ПОЛЯРИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

Чикалова И. Р., Белорусский государственный университет

Завоевание репродуктивных прав для второй волны женского движения в Соединенных Штатах имеет такое же значение, как получение политических прав для участниц его первой волны. Процедуры по прерыванию беременности, начиная с середины XIX в. поставленные вне закона большинством штатов, стали легальными благодаря историческому решению Верховного Суда 1973 г. по делу «Роу против Уэйда». Право женщин самостоятельно контролировать свое тело было признано, поэтому борьба за его сохранение стала следующим шагом в женском освободительном движении, ибо сразу же евангелические консервативные группы развернули наступление за отмену решения Верховного Суда. Причем языковые средства сами стали силой, способной оказывать влияние на политическую мысль и предпочтения избирателей. Две стороны дебатов редко пользуются несущим на себе негативную нагрузку термином «аборт» и определяют себя как привер-

женцев позиции «*pro-life*» (за жизнь) или «*pro-choice*» (за выбор): как невозможно покушаться на «жизнь», так и проблематично не поддерживать в демократическом обществе право на персональный «выбор».

Ареной дебатов и практических действий стало все медийное политическое пространство: средства массовой информации, трибуны партийных съездов, стены Конгресса и законодательных ассамблей штатов, процесс назначения судей Верховного Суда в зависимости от их позиции в отношении аборта. Дискуссии относительно репродуктивных прав уже после принятия Верховным Судом решения по делу «Роу против Уэйда» развернулись непосредственно на очередных съездах обеих партий, состоявшихся в 1976 г. С одной стороны, на съезде республиканцев под нажимом сторонников «*pro-life*» принятая платформа критиковала решение Верховного Суда и объявляла о поддержке усилий по «введению в действие конституционной поправки по восстановлению защиты права на жизнь нерожденных детей». С другой стороны, хотя партийный номинант на пост президента от демократов Дж. Картер выступал против федерального финансирования аборт, он, как и его соперник-республиканец Дж. Форд, был против внесения поправки в Конституцию страны, отменяющей решение по делу «Роу против Уэйда». В результате первая после разрешения аборт, платформа демократов заявляла, что «нежелательно предпринимать попытки изменить Конституцию и отменять решение Верховного Суда в этой области». Таким образом, уже на съездах 1976 г. были заявлены противоположные позиции по вопросу репродуктивных прав женщин: у демократов победу одержали сторонники позиции «*pro-choice*», у республиканцев — «*pro-life*».

Кульминацией тенденций, развивавшихся на протяжении предшествующих лет, стали события 1992 г. В этом году Верховный Суд еще раз подтвердил свое решение 1973 г. о том, что американская женщина имеет право на прерывание беременности, выполненное под наблюдением специалиста, но одновременно несколько ослабил законодательную защиту права на аборт, предоставив штатам право вводить свои ограничения на сроки и обстоятельства проведения аборта при условии, что это не создаст непреодолимые препятствия для женщин, желающих прервать беременность. Съезды демократов и республиканцев 1992 г. подтвердили, что обе партии полностью поляризовались в своих реакциях по поводу гендерных ролей, репродукции, заботы о детях, структуры семьи, сексуальной ориентации, пересечения работы с семейными обязанностями; позиция каждой из них институализировалась по этим пунктам и более не ставилась под сомнение. Съезд демократов открылся специальной программой, приветствовавшей шестерых демократок, выдвинутых в Сенат. Среди трех основных докладчиков была женщина — бывший член Конгресса от Техаса Барбара Джордан. Председательствовала на съезде губернатор Техаса Энн Ричардс. На съезде каждый выступавший стоял на позиции «*pro-choice*» и встречался бурей аплодисментов. Платформа демократов объявляла репродуктивную свободу в качестве «фундаментальной конституционной свободы», провозглашала, что «каждый американец, а не правительство, мо-

жет брать на себя ответственность за принятие наиболее трудного и исключительно персонального решения относительно репродукции». Платформа выдвигала проблемы сексуального домогательства, борьбы с домашним насилием, дискриминации сексуальных и иных меньшинств, ведущих нетрадиционный образ жизни; развращения наступления на женские онкологические заболевания. Внутри республиканской партии ультраконсервативная группа Новые Христианские правые обладала такой же гегемонией в определении социальных вопросов, как и либеральные группы избирателей внутри демократической. Платформа республиканцев и выступления на съезде демонстрировали, что и программа, и политика партии нацелены на традиционную, состоящую из двух родителей, семью, в которой муж является добытчиком, а жена — заботливой хозяйкой. Глава «Права женщин» вообще отсутствовала. В дальнейшем партия сделала окончательную установку на традиционные семейные ценности. Среди них — неработающая мать-домохозяйка, взаимная верность супругов, рождение детей только в зарегистрированном браке, недопустимость абортов, однополых браков и т. д. Республиканцы увеличивали бюджетное финансирование «программ воздержания от секса» для целевой возрастной группы от 12 до 29 лет.

Таким образом, конечный смысл партийного видения положения женщин в американском обществе может уложиться в короткую формулу: у республиканцев — «семейные ценности», у демократов — «все персональное является политическим». Демократы поддержали феминисток, выдвинувших требование репродуктивных прав, и через различные ветви власти добивались их осуществления. Республиканцы отвергли саму идею репродуктивных свобод, противопоставив ей специальные программы поддержки семьи и усыновления. По отношению к женским требованиям партии стали представлять две различные и конфликтующие версии того, как рядовому американцу вести себя в повседневной жизни. Проблема аборта уже более не рассматривается в качестве исключительно женского требования. Она окончательно вошла в общественную повестку, превратилась в острую политическую тему, по отношению к которой дебаты не прекращаются, и в связи с позицией по отношению к которой можно потерять или приобрести часть электората на выборах разных уровней. Последние, 2008 г., президентские выборы в этом смысле не стали исключением.

МІФАЛАГІЧНЫЯ ПРАСТОРА І ЧАС У РАМАНЕ ВОЛЬГІ ТАКАРЧУК «ПРАВЕК І ІНШЫЯ ЧАСЫ»

Шода М. Ю., Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

Раман «Правек і іншыя часы» польскай пісьменніцы Вольгі Такарчук — гэта прыклад міфалагізацыі ў сучаснай польскай літаратуры, апавед пра мікракосм і пра знішчальную моц гісторыі, якая ўмешваецца ў жыцці